

Книжное обозрение

© 2000 г.

В.Т. Рязанов. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: РЕФОРМЫ И РОССИЙСКОЕ ХОЗЯЙСТВО XIX-XX вв. СПб.: Наука, 1998.

Книга известного российского экономиста, профессора Виктора Тимофеевича Рязанова поражает и настораживает грандиозным объемом - более 60 печатных листов. Не надо бояться и экономической терминологии, книга в противовес экономическому "mainstream" написана толково и на языке, вполне доступном социологу. В ней последовательно проводится в жизнь требование Л. Витгенштейна: "Все, что поддается высказыванию, может быть высказано ясно". К достоинствам работы относится и высокий теоретический уровень материала, автор не скатывается к стандартным спорам "за" и "против", рынок или план, капитализм или социализм, как это стало обычным в обсуждении современного экономического развития России. Его позиция - научная, теоретическая и методологическая. Выглядит оправданным и положение автора о том, что понять экономическую ситуацию в России, характер и будущее ее современных реформ можно лишь зная ее историю, поэтому он ведет линию исследования не с перестроечных времен, а с начала XIX в., разбирая и оценивая последовательную череду реформ и контрреформ в российской истории.

В первой части книги - "Реформы и российский путь в экономике" раскрывается циклический процесс реформирования российского хозяйства; оказывается, реформы возобновляются через каждые 30-45 лет, и за волной реформ следует волна контрреформ, а также исследуется хозяйственный строй России. Во второй части работы - "Теоретические вопросы экономики переходного периода" разбирается концепция экономического устройства СССР, дается характеристика современного переходного периода и проводится институциональный анализ экономической ситуации в России.

Чем этот труд интересен социологам? Не только тем, что автор в курсе основных социологических концепций. На страницах книги читатель найдет неоднократное упоминание имен Вебера, Дюркгейма или Зомбарта. Метод автора по сути дела социологический или институциональный, как теперь стало принято говорить. Главная мысль автора в этом плане заключается в следующем: "Экономику нельзя понять, ограничиваясь только ее собственными характеристиками" (с. 780). Именно этот лозунг и проводился в жизнь экономической социологией в течение последних 50 лет. Книга В.Т. Рязанова символизирует обращение современной экономической науки к экономической социологии, экономическая история органично соединяется с экономической социологией. На данном примере мы видим, что стена непонимания и отчуждения, возникшая между социологией и экономикой в начале XX в., начинает разрушаться, а социальные методы исследования российского хозяйства приносят новые результаты.

Для реализации метода социального анализа хозяйства В.Т. Рязановым разрабатывается теория хозяйственного строя России (главы 4 и 5). Не отрицая значимости общих категорий и законов экономического развития, он настаивает на дополнении категории общего категориями особенного и единичного. Российское хозяйство представляет собой своеобразное и неповторимое историческое явление, поэтому нельзя основываться только на постулатах общей экономической теории, которая и была сформирована как модель, объясняющая хозяйство западных стран. Еще в 40-х годах XIX столетия Ф. Лист поставил вопрос о необходимости изучения "народного хозяйства", т.е. национальной экономики, а представители немецкой исторической школы политической экономики доказали, что классическая политэкономия Смита-Рикардо, разработанная для экономически развитой Великобритании, мало пригодна для аграрной и раздробленной тогда Германии. Если в Англии свободный рынок был наиболее эффективной моделью хозяйства, то для Германии необходимо было государственное регулирование экономики в целях ее ускоренного развития. Примерно такая же логика и В.Т. Рязанова - необходимо особое применение и преломление общих положений экономической теории по отношению к российскому хозяйству. Например, то, что Международный валютный фонд предлагает для Бразилии.

вряд ли будет эффективным для России. Не надо думать, что автор против общей теории вовсе, просто общая экономическая теория должна быть дополнена теорией особенного - теорией российского хозяйства. В этом плане можно вспомнить М. Вебера, который признавал социальные законы, но утверждал, что чем более общий закон, тем менее интересен он для исследования.

Для характеристики экономического строя России В.Т. Рязанов предлагает рассматривать хозяйство в соотношении с его внешним внеэкономическим окружением: географической средой, демографической и этнической структурами, обществом и государством, международным сообществом. Действительно, вряд ли можно абстрагироваться от огромного территориального пространства России (что неминуемо приводит к удорожанию продукции вследствие увеличения транспортных расходов), от превратностей климата (90% населения, проживающего в неблагоприятных климатических условиях, находится в России). Большое влияние на экономику и на формирование экономических ценностей оказывает и традиционная культура России (если в конце XIX в. распространению капитализма препятствовали православие и его неприятие экономизма, общинность и коллективизм, то теперь - пресловутое социалистическое отношение к труду, советский менталитет и отрицание индивидуализма).

Нельзя и экономическое развитие рассматривать только сквозь призму экономической эффективности, ведь развитие - это не экономический рост, поэтому, если даже при экономическом прогрессе (а у нас сейчас и этого-то нет) увеличивается социальное расслоение, все больше людей оказывается за чертой бедности, снижается уровень образования и культуры, вряд ли надо выбирать экономическое развитие вместо социального. В этом позиция В.Т. Рязанова схожа с позицией народников, которые, видя негативные последствия экономического роста и капитализации России, выбирали социальный прогресс вместо экономического. Тогда, в начале века, вся полемическая мощь и критика русских марксистов - Струве, Туган-Барановского и Ленина - была направлена против этого тезиса. В результате вся экономическая теория народничества выставлялась у нас потом как сплошное недоразумение и ретроградство. Книга Рязанова в этом плане - исключение, автор вновь возвращает нам имена В.П. Воронцова и Н.Ф. Даниельсона, открывая интересные и весьма полезные стороны народнической экономической теории (гл. 3).

Автор не проходит мимо классической темы - развитие капитализма в России: как и в начале века этот вопрос и сегодня остается для нас ключевым. Россия, точно так же, как другие страны, захватывается волной модернизации - традиционное аграрное общество сменяется индустриальным, которое, в свою очередь, уступает место постиндустриальному обществу и экономике. Но крайне ошибочно рассматривать модернизацию России лишь как ее "вестернизацию", считает автор. Сначала либеральные экономисты, а у нас более всего - традиционно сильные марксисты утверждали тезис о единстве пути России и Запада. Только славянофилы, а затем и народники, при всех их экономических ошибках (отрицании рынка, например) говорили о национальном характере России и специфике ее пути развития, именно они настаивали на необходимости опоры на собственные силы. Историческая правота народников подтвердилась революцией 1917 г. - у капитализма в России XX в. не было будущего; правда, разрушенными оказались и собственные идеалы народничества. Общество развивалось другим способом, модернизация его проводилась другими методами, хотя, надо сказать, не менее жестокими, чем капиталистические методы - ускоренной индустриализацией и коллективизацией 30-х годов. Социалистический путь России был особым альтернативным вариантом модернизации, общие черты сохранялись - тоталитаризм и агрессия сопровождали все периоды трансформации обществ из аграрных в индустриальные.

Что касается характеристики экономического устройства СССР (гл. 7), здесь у В.Т. Рязанова центральное положение, с которым трудно не согласиться - для него социалистическое хозяйство выступает как планово-рыночное. Экономика социализма была индустриальной и денежной экономикой, вследствие этого она не могла не быть рыночной (с. 449). Существовал широкий рынок потребительских товаров, рынок труда, доходы граждан и результаты деятельности предприятия измерялись в денежном выражении, адресные задания государства предприятиям охватывали лишь 0,5% выпускаемого в народном хозяйстве ассортимента продукции, а подавляющая часть отношений проходила через прямые заказ-наряды производителей и потребителей. Денежное хозяйство означает высокую степень рационализации экономических отношений и, с точки зрения Вебера, представляет собой необходимое условие развития капиталистического хозяйства. Конечно, существо-

вали и ограничения в деятельности рынка. Но это не мешает логике автора - если советское хозяйство было рыночным в своей основе (хотя и с наличием сильного государственного регулирования, но ведь мировая история знала и более жесткое регулирование рыночных отношений), не было необходимости в эпоху современных реформ разрушать всю экономику СССР, чтобы опять строить основы рынка. В 90-е годы был выбран вариант классической западной рыночной экономики - с широкой приватизацией и частной собственностью, свободным ценообразованием и ограниченной ролью государства. С позиции автора гораздо больше подходил бы вариант социально ориентированной рыночной экономики при активном участии государства.

Конечно, спору нет, социалистическая экономика была низкоэффективным хозяйством, хотя Россия и не стала периферийной зоной Западной Европы (именно такое будущее предсказывает ей С. Хантингтон), но полностью преодолеть отставание и в экономическом плане, и в социальном - Россия не смогла. Объективная необходимость реформирования назрела в 80-е годы, но реформы опять были проведены революционным путем (в который уже раз) и главное - без учета институциональной специфики российского хозяйства. Ведь для успешной работы рынка важно не только его наличие и невмешательство государства в его дела, необходимо также существование институциональной структуры, в которую вложен рынок и которая делает его существование общественно эффективным. Например, рынок не может существовать без соответствующей правовой структуры, которая устанавливает нормообразующие отношения между агентами; рынок не может работать и без соответствующей этической структуры - там, где обман становится правилом, рынок не может существовать. Вывод Рязанова очевиден - роль государства в формировании рыночной экономики не уменьшается, а увеличивается. Без активного государственного строительства рыночных основ не обойтись.

Ошибочной оказалась, с позиции автора, и экономическая политика в эпоху современных реформ - в качестве основы была выбрана монетаристская политика, которая применялась без учета специфики российского хозяйства. Структурное многообразие и высокая степень монополизации экономики, оставшиеся в наследство от социализма, слабая заинтересованность западных инвесторов и неразвитость частных инвестиций - все это препятствовало работе монетаристских методов. Выполнив свое основное предназначение - ограничив инфляцию (что крайне важно), они привели и к существенным отрицательным следствиям. Сложилась катастрофическая ситуация с ограничением денежной массы, и без того невысокая монетизация постсоциалистического хозяйства еще более снизилась. В отсутствии институциональных структур рынка часть экономики ушла в тень, нерыночная ментальность населения препятствовала сбору налогов, что очевидно: ведь никто не объяснил ни гражданам, ни предпринимателям - куда уходят деньги, зачем вообще платить налоги, а 13-страничная налоговая декларация выглядит просто издевательством над простым налогоплательщиком; введенная недавно 45% ставка подоходного налога на весьма скромную по западным и даже нашим меркам доходов базу выглядит неразумно, вряд ли такой налог будет платить кто-либо вообще. Дефицит бюджета сдерживался совсем неправильными методами - экономией на зарплате бюджетным служащим или ее задержкой, что усугубляло ситуацию с неплатежами в экономике. Вместо эмиссионного покрытия дефицита бюджета, что было плохо, стало распространяться неэмиссионное - система ГКО (сам по себе разумный инструмент хозяйствования использовался неразумно, что не могло закончиться иначе, чем кризисом). В.Т. Рязанов, публикуя книгу в начале 1998 г., ясно видел и возможность августовского кризиса (с. 721, 700), что свидетельствует о большой предсказательной силе его теории. В условиях затяжного кризиса, сравнимого с кризисом США 1929 г., гораздо более значимыми являются кейнсианские методы регулирования, использование же монетаризма применимо к устойчиво работающим экономикам. В итоге реформ, утверждает автор, в 1998 г. мы вряд ли ближе к рынку, чем в 1991 (с. 668).

Какой же выход из сложившейся кризисной ситуации предлагает В.Т. Рязанов?

Во-первых, необходимо четко определить цель реформирования: если сам рынок - цель, тогда ситуация оправдана, рынок будет построен за счет разрушения социальной ткани общества; если рынок - все же средство, надо оценивать реформы по критерию того, что они полезного приносят населению страны. Рыночные преобразования не означают переход к капитализму, поскольку рыночная экономика и капитализм - это не одно и то же (что уже давно было доказано Ф. Броделем).

Во-вторых, рыночные преобразования необходимо проводить с учетом национальной специфики России и с опорой на собственные силы. Для преодоления бесперспективного

"догоняющего развития", которое ставит Россию в ряд развивающихся стран, необходимо использовать главное, что еще осталось - человеческий потенциал (высокий уровень образования и культуры) и имеющийся научно-технический задел. Сейчас основной упор делается на развитие сырьевых отраслей и функционирование экспортно ориентированной экономики. Такая политика ошибочна - необходима ориентация на внутренний рынок, развитие сферы производства и экспорт готовой продукции, учитывая нереализованный потенциал интеграции со странами СНГ.

В-третьих, в условиях переходной-кризисной экономики нельзя полагаться только на монетаристские методы регулирования. Предпочтительны кейнсианские методы. И здесь, пишет автор, без опоры на государство не обойтись. В период кризиса и депрессии рынок сам не в состоянии выйти из него; у него нет источника саморазвития, имея в виду, что наш кризис - трансформационный, а не обычный циклический. Поэтому именно государство должно стимулировать развитие экономики. Россия имеет все шансы стать сильной и высокоразвитой страной, заключает В.Т. Рязанов. У нее есть богатейшие природные ресурсы, громадный человеческий потенциал, важно лишь найти собственный путь развития, отказавшись от слепого копирования западной модели экономики.

Итак, автор не только провел обстоятельный исторический и теоретический анализ развития российского хозяйства и практики его реформирования, но и представил свой взгляд на пути выхода России из затяжного, почти десятилетнего, кризиса. Конечно, не со всеми его предложениями можно и нужно соглашаться. Почему-то в оценке реформ 90-х годов у автора нашлись только черные краски - развитие предпринимательства, разнообразие форм хозяйствования, гласность и свобода выбора - все это осталось за пределами исследования. Некоторые его предложения звучат несколько наивно - например, надежда на скорое очищение государственного аппарата от коррупции. Есть и один существенный технический недостаток в работе В.Т. Рязанова - отсутствие библиографического аппарата, хотя автор использует постраничные сноски, что гораздо удобнее для читателя.

Ю.В. ВЕСЕЛОВ,

кандидат экономических наук, заведующий
кафедрой экономической социологии
Санкт-Петербургского гос. университета

© 2000 г.

СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ (Отв. ред. И.А. Бутенко). М.: Московский общественный научный фонд, 1999.176 с.

Среди реалий новой российской социально-экономической ситуации феномен адаптации - один из знаковых. На уровне обыденного сознания это понятие, будучи сейчас "на слуху", отождествляется с выживанием: адаптировался - значит не пропал, не утонул в потоке жизни, сделавшем очередной крутой поворот. Механизмы и способы адаптации становятся социально значимыми элементами коллективного опыта. Вполне закономерна актуализация научного осмысления этого явления в рамках социологии, социальной психологии и ряда других дисциплин.

Обсуждаемая проблематика объявлялась в качестве приоритетной Московским общественным научным фондом (МОНФ), поддерживающим исследователей до 40 лет. Некоторые результаты изысканий в области социально-экономических и социокультурных аспектов адаптации различных слоев населения презентируют и авторы данного сборника - грантополучатели МОНФа.

В книге 11 работ, подготовленных по материалам исследований, которые проводились в 1997-1998 гг., т.е. в "докризисный период". Они интересны как в историческом, так и в научно-познавательном аспектах. Кроме того, статьи содержат богатый эмпирический материал, которым, к сожалению, в настоящее время могут похвастаться немногие исследователи.

Тон сборнику задан статьей И.А. Бутенко. Она пишет о грантах и тех, кто их получает, а также о судьбе научной заявки на исследование (статья опубликована в № 8 журнала "Социологические исследования" за 1999 г.).

Размышление над вступительной статьей приводит к выводу: участие исследователей в конкурсах МОНФ и ему подобных тоже есть фактически один из формирующихся ныне механизмов адаптации к новым реалиям, ориентирующих ученых на отход от модели развития науки исключительно за счет государственного финансирования, на выработку у них конкурентоспособности и (хочется в это верить!) придание социальной значимости их деятельности. Это делает развернутое вступительное слово редактора вполне уместным и даже своевременным.

Предлагаемые в сборнике статьи были отобраны как наиболее интересные, что позволяет судить об уровне выполняемых при поддержке МОНФ исследований. Разнообразие тем и разнородность представленного в работах материала составили значительные трудности для ответственного редактора (что отмечает и сама И.А. Бутенко), сумевшего, тем не менее, добиться достаточно логичного сочетания статей в заданных проблемных рамках.

Собственно, адаптация, точнее конкретные ее формы наиболее удачно рассмотрены в статье Е.С. Балабановой ("Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям"). Значимость выбранного исследовательского ракурса очевидна. Как закономерные последствия социального патернализма советского государства и ответного социального инфантилизма части населения, эти явления наблюдаются практически на всех уровнях и во всех стратах современного российского общества. Примечательно, что автор считает зависимость, как связь, существующую "по согласию" зависящей и ведущей сторон (содержанки и покровителя, например), в то время как паразитизм такого согласия вовсе не предполагает (паразитизм воров, бандитов и т.п.). Думается, интересны и представления лиц, демонстрирующих каждую из этих моделей адаптации, об ответственности, законе, применении насилия, изменениях, происшедших в их статусе за последние пять-шесть лет, и многое другое, что составляет "живую ткань" социальной жизни.

Стратификационный анализ стал объектом внимания двух авторов. В.В. Радаев в статье "Стратификационный анализ постсоветской России" апробирует неовеберовскую модель на представителях малого бизнеса. Хотя выбор этого слоя в некоторой степени делает данное исследование в контексте происшедших перемен близким к анализу любой экзотики, концептуальная часть работы представляет интерес как для теоретиков, так и для эмпириков. Аналитической представляется статья П.Г. Антипина, рассматривающего возникновение и существование "виртуальных" социальных страт в условиях "традиционализирующейся модернизации". Речь идет о попытке, на мой взгляд, довольно удачной, вычленив два основных социальных слоя - выигравших вследствие модернизации и проигравших. Признавая влияние принципиальных различий традиционного и модернистского типов общественного устройства на соответствующие им стратификационные системы, П.Г. Антипин все же отмечает характерное для России конца 90-х годов XX столетия размывание последних. Интересен сделанный этим автором вывод о том, что еще очень не скоро обладание большим богатством или властью станет морально одобряемым.

В настоящее время сборник по социальным наукам вряд ли считается адекватно "укомплектованным" без статей по гендерной проблематике. Помимо уже упомянутого исследования Е.С. Балабановой, посвятившей значительное внимание домохозяйкам, эту проблематику удачно представляют еще два автора: С.Ю. Барсукова (работа о специфике женского предпринимательства) и Е.В. Тюрюканова ("Потенциал экономической миграции из России: гендерный аспект"). Они рассматривают экономическую активность женщин, фактическую (в первой работе) и предполагаемую (во второй). Женщины более законопослушны, предпочитают не рисковать, подчеркивает С.Ю. Барсукова. А выявленный ею диссонанс между установками женщин, все более активно занимающихся предпринимательской деятельностью, и нормами теневой экономики, вероятно, не только ей, но и нам дает надежду на грядущее "окультуривание" российского бизнеса. Что касается гендерных аспектов миграции, то здесь, думается, главный интерес представляет все еще сохраняющийся двойной стандарт (отмеченный в статье Е.В. Тюрюкановой): "стратегию выгодного брака" женщины избирают в 10 раз чаще, они же несколько чаще склонны прибегать к другим активным - профессиональной ("набираться профессионального опыта", "пробовать новые виды деятельности"), образовательной - стратегиям адаптации. Мужчины несколько чаще говорят о возможности уехать за границу навсегда или на временную работу: несколько чаще устраивает их теперешнее положение.

Тематику миграции продолжает и работа Е.И. Филипповой ("Компактные поселения мигрантов в России"), основанная на сравнительном анализе трех конкретных объектов. Статья имеет выраженную прикладную направленность и ориентирует на проведение мониторинга, актуальность которого ныне возрастает в связи с усилением миграционных процессов.

Другие работы книги можно тематически разделить на две группы. Историко-социологическим сюжетам посвящены статьи М.Г. Пугачевой («Семинарское движение в социологии 1960-1970-х гг.: параллельная наука или "игра в бисер"?») и А.Ю. Рожкова ("Молодой человек и советская действительность 1920-х гг.: форма повседневного протеста"). Этнический ракурс выбран В.В. Степановым для анализа проблемы занятости ("Перспективы занятости на Северном Кавказе"). Процессы этнического самоопределения рассматриваются в статье Д.А. Функа ["Формирование новых этнических идентичностей у тюрок юга Западной Сибири (на примере багатских телеутов)"].

В некотором обособлении находится работа А.Б. Фенько ("Образ свободы в российском сознании и перспективы формирования гражданского общества"), анализирующая содержание понятий "свобода" и "либерализм" применительно к российской и западной культурам в контексте конкретных исторических условий. И хотя основной вывод о неэффективности прямого заимствования западной либеральной идеологии при проведении в России социально-политических реформ в силу существенного различия культурных традиций не отличается новизной, авторское видение проблемы заслуживает внимания. Думаю, вполне справедливо она полагает, что перспективы либерализма в России не блестящи. Действительно, история демонстрирует ряд фатальных неудач, преследующих любую "либеральную прививку", связанных ли с традиционным коллективизмом русского характера, или со спецификой геополитических условий развития общества и российской власти. Более того, А.Б. Фенько справедливо подчеркивает, что в доперестроечной России практически единственной социальной опорой либерализма была интеллигенция, борющаяся в первую очередь за идеологические свободы и оказавшаяся неготовой к свободе экономической, в результате чего теперь ее надежды на выживание концентрируются не в сфере самоорганизации, а почти исключительно вокруг государства. Следовательно (добавлю), этой опоры либерализм лишается, а средний слой еще неизвестно когда оправится после экономического кризиса 17 августа 1998 г. и вернет себе звание "среднего класса".

В заключение хотелось бы отметить, что при всем разнообразии тем и подходов все работы книги представляют собой определенное единство, основанное на четкости изложения целей и задач исследования избранных аспектов проблем адаптации, освещении исходных положений, внятности представления эмпирических данных (приходится признать, что это вообще чрезвычайно важное обстоятельство, позволяющее включать такие данные в дальнейший научный оборот). И потому, размышляя над содержанием сборника, я прихожу к выводу о полезности подобного рода изданий МОНФ, выполняющих социальную функцию информационного обмена.

Т.О. РАЗМУСТОВА,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник

Российского института культурологии

© 2000 г.

ОКНО В РУССКУЮ ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ. СУПРУЖЕСКИЕ ПАРЫ В 1996 ГОДУ.

М.: Academia, 1999. 263 с.

Это исследование показывает российские семьи в период беспрецедентной трансформации постсоветского общества середины 90-х годов. Структурные изменения затронули все стороны жизни общества, повлияли на состояние брака и семьи, отношения между супругами, родителями и детьми. Усилилась гендерная асимметрия в общественной и приватной сфере. Проблемы домашнего насилия вышли из тени и стали предметом академических и общественных дискуссий, профессиональной практики психологов,

юристов и социальных работников. Проект исследования супружеской жизни в современной России, по итогам которого написана книга, объединил в 1996 г. ученых из Москвы и Цинциннати (США); среди авторов - Наталья Римашевская, Дина Ванной, Марина Малышева, Лиза Куббинс, Елена Мещеркина, Марина Писклакова.

Работа свидетельствует о формировании в отечественной науке о семье новой и весьма многообещающей перспективы. Речь идет о гендерном подходе, в котором привычные для здравого смысла объяснительные модели подвергаются сомнению, а основные понятия переопределяются. Важнейшим показателем качества браков оказывается не количество разводов, а личное благополучие и удовлетворенность всех членов семьи - детей и взрослых. Главной ценностью семейных отношений выступает не число детей, а справедливость, взаимное уважение в семье. Именно эти категории должны, по мнению авторов, стать предметом социальной рефлексии.

Глава "Супружеские отношения в современной России" открывается социально-исторической преамбулой о патриархальных и авторитарных воззрениях дореволюционной России, а также об особенностях политики сексуальности и репродуктивного поведения в советский и постсоветский периоды. Среди наиболее важных социальных и культурных противоречий 90-х годов авторы выделяют следующие: коммунистическая риторика равенства полов и реальная половая сегрегация сферы занятости; патриархальность нормативных предписаний брачного и семейного поведения, экономическое стимулирование возврата к традиционным гендерным ролям; интроверсивность русского характера, привычка полагаться на авторитарные структуры. В этой же главе, опираясь на богатый демографический материал и статистику, авторы описывают социальный контекст жизни русских семей, который характеризуется растущей неопределенностью, в связи с чем увеличивается необходимость строить тесные супружеские отношения. В итоге семья оказывается источником психологической стабильности, авторы подчеркивают необходимость семейной политики, поддерживающей равенство полов. Эгалитарные отношения в семье являются неизбежной частью социального развития, необходимым условием эффективного и экономного использования человеческих ресурсов (с. 22).

Вторая глава посвящена исследовательским методам, способу построения выборки, основным демографическим переменным: этим работа выгодно отличается от многих других отечественных публикаций по фамилистике, где вопросам методического плана уделяется от силы несколько абзацев. В качестве городского поселения была выбрана Москва, а Псковская и Саратовская области представили сельские массивы выборки. Авторы применили в исследовании не только опрос, но и глубинное интервью, что помогает лучше понять важность реализации гендерных ролей для супругов, стратегии разделения труда в домашней сфере. Там, где в книге звучат живые голоса людей, аргументация исследователей становится еще более убедительной. Глава "Семья в русском обществе" переключается по своим задачам и содержанию с первой. Однако здесь речь идет о переменных качествах жизни супругов - респондентов выборки. Дается информация о здоровье, болезнях, потреблении алкоголя, составе домохозяйств и удовлетворенности жизнью. Читатель получает представление о виде занятости и других социально-экономических характеристиках опрошенных. Все эти данные представлены в гендерном и территориальном разрезе, так что получается весьма внушительная картина.

В последующих четырех главах обсуждаются гендерные представления и характеристики респондентов, разделение труда в семье и принятие решений супругами, качество брака и мысли о разводе, домашние конфликты и насилие. Много внимания уделяется описанию инструментальности и сенситивности как особенностей характера супругов, влияния этих свойств на качество брака. Привлечение американских измерительных шкал дает любопытный материал, который может быть полезен в сравнительных исследованиях. Авторы порой опровергают содержащиеся в западных теориях стереотипы. Исследование начиналось с традиционного предположения, что власть осуществляется через принятие решений о распределении ресурсов, которое обычно осуществляется мужчиной. Но в реальности, пишут авторы, обнаружилось, что в традициях советского общества "российские супруги предпочитают, чтобы женщины занимались семейным бюджетом. Вследствие того, что ресурсы были слишком скудны, требовалось настоящее искусство в растягивании семейного бюджета на покрытие всех нужд. Оно заключалось не только в рациональном расходовании денег, но и в изнурительных поисках дешевых товаров, стоянии часами в очередях и планировании расходов до мельчайших деталей. Эта рутинная повседневная работа не соответствовала мужским амбициям и подрывала мужской авторитет" (с. 77). В ходе исследования выяснилось, что более одной трети состоящих в

браке мужчин и женщин предпочитают, чтобы женщина распоряжалась деньгами, однако зарабатывать деньги, по мнению большинства респондентов, должен супруг. Насколько же сильными должны быть патриархальные идеалы в обществе, где в 1994 г. 91% женщин были заняты в народном хозяйстве, и без заработка жен очень немногие семьи смогли бы выжить, однако их деньги рассматривались как дополнительный вид дохода (с. 77-78).

В книге выявлены нюансы семейных культур среди населения Саратовской и Псковской областей. Любопытным образом трансформировались на фоне социальных и экономических преобразований гендерные роли в сельской семье. Саратовцы в большей степени предпочитают совместное ведение домашнего хозяйства, но считают, что зарабатывать деньги - это дело мужа. В Псковской области зарабатывать хотят совместно, но предпочитают, чтобы именно жена вела домашнее хозяйство. Такие расхождения объясняются большей экономической депрессивностью Псковской области, где меньше возможностей для мужской занятости. В связи с этим псковские мужчины участвуют в ведении подсобного хозяйства наряду с женщинами, трансформируя свою роль кормильца, имеющего заработок, в роль домашнего кормильца, занятого на своем участке. Подобная ситуация может породить иллюзии относительно гендерного эгалитаризма, комментируют авторы, но это не совпадает с фундаментальными структурами гендерного сознания.

Вопросам разделения труда в семье посвящена пятая глава книги. Речь идет о приватной и публичной сферах как ипостасях патриархальной культуры: мужчине, как правило, приписывается ответственность за публичную сферу, а женщина властвует в приватной. Подобное разделение ответственности довольно широко распространено в России, но данные свидетельствуют о том, что здесь происходят некоторые изменения. Самые интенсивные и явно выраженные изменения зафиксированы в Москве, причем наиболее традиционно мыслящими остаются мужчины. Однако, хотя женщины по-прежнему продолжают отвечать за традиционные обязанности в доме (приготовление пищи, стирка, забота о детях), практика совместного ведения домашних дел растет как в городе, так и в селе. Решения по семейным проблемам в значительной мере принимаются супругами совместно. Мужчины участвуют в покупках, уборке квартиры, мытье посуды, ведении семейного бюджета, планировании досуга, заботятся о престарелых родителях. Но забота о пожилых членах семьи, как и любая другая эмоциональная работа, все же в основном считается женской. В современных западных обществах, комментируют авторы, функции снятия стрессов, психологическая поддержка и консультирование лежат на профессионалах и достаточно институционализированы. В России же такие специалисты большинству людей недоступны. Этот вид деятельности "недооценивается как мужчинами, так и самими женщинами, хотя здесь требуются не только время, но и немалые душевные силы" (с. 121).

Урбанизация не смягчила феномен "отсутствующего отца": как в сельской, так и городской семье отцы практически невидимы для своих детей. Данные показывают, что на селе мужчины меньше всего стремятся к воспитанию собственных детей, даже если принимают участие в иных домашних заботах. Экономический кризис общества в значительной мере способствовал и отстранению бабушек от семейных обязанностей, поскольку вышедшие на пенсию женщины теперь вынуждены искать подходящую работу для поддержания своего существования. С одной стороны, с уменьшением роли и присутствия бабушек в семье снижается давление традиционных воззрений на молодых супругов, которые теперь могут строить эгалитарный образ жизни, не опасаясь осуждения со стороны старшего поколения. С другой стороны, растет нагрузка на женщин по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми.

Восприятие качества брака анализируется с привлечением шкалы сенситивности-инструментальности. Любопытно, но, возможно, вполне закономерно то, что те переменные, которые были определены как значимые для качества брака в США, оказались нерелевантными для России. В США для обоих супругов самым важным в качестве брака остается индивидуальная сенситивность каждого из супругов: "два человека, которые научились быть эмоционально чуткими и отзывчивыми к чувствам друг друга, имеют больше шансов преуспеть в создании супружеских отношений субъективно высокого качества". Судя по исследованию, качество брака в России ассоциируется с традиционными супружескими отношениями: "большая доля россиян хотели бы, чтобы семью содержал мужчина, а жена могла оставаться дома". Однако в оценке качества браков важна удовлетворенность разделением труда как в ведении домашнего хозяйства в целом, так и в уходе за детьми обоими супругами, особенно женщинами. Возникает противоречие между жесткими ролевыми предписаниями патриархального толка и невозможностью реализовать их на практике. "Супруги обременены идеей о мужчине как о главе домохозяйства, который

должен обеспечить свою семью, а также представлением о женщине как о домохозяйке, ответственной за эмоциональное благополучие членов семьи" (с. 186). Когда эти ожидания не могут быть реализованы, возникают трудности и неудовлетворенность качеством брака.

Одно из достоинств работы - исследование вербального и физического насилия в партнерских отношениях. Этой теме, которая до недавнего времени была весьма редкой в публичных выступлениях и средствах массовой информации, посвящена седьмая глава книги. Исследование показало, что примерно четверть всех женщин испытывают по отношению к себе физическое насилие в браке, причем в сельской местности насилие распространено в большей степени, чем в Москве. Насилие, свидетелем которого люди становятся в родительской семье, - это последовательный и мощный фактор, способствующий вербальному и физическому насилию, переживаемому в собственном браке (с. 213, 224). Кроме того, вероятность насилия в семье тем выше, чем меньшим количеством ресурсов (доход, образование, работа) обладает женщина. При этом доход не является решающим фактором в супружеских отношениях (возможно, потому, что исследование проводилось в период кардинальных экономических перемен, когда доходы брачных партнеров примерно одинаковы и практически все с трудом добывают средства для содержания семьи). Алкоголь явно играет свою роль в домашнем насилии: из тех женщин, которые пережили случаи насилия, около половины сказали, что потребление алкоголя мужем спровоцировало инцидент (с. 236). Среди множества причин, вызывающих насильственное поведение супруга, авторы справедливо выделяют главную - это патриархальная культура, основанная на насилии и оставленная в наследство современным семьям России (с. 226). Опыт работы кризисных центров для женщин, переживших домашнее насилие, пока еще невелик; такие службы есть не во всех городах России, получить профессиональную помощь в ситуации насилия женщинам трудно.

Заключительная глава книги вызовет интерес у читателя, изучающего семейную политику. Кроме обобщающих выводов по исследованию, перспективам русских браков и возможностям использования результатов проекта в социальной политике здесь представлена дискуссия с отечественными фамилистами. Авторы видят возможность развития российской семьи не по пути возврата к традиционному укладу жизни с большим количеством детей и явно обозначенной субординацией ролей, а через осознание ценности партнерства и равноправия супругов, подкрепленного обоюдной экономической и моральной ответственностью (с. 245). В книге содержатся рекомендации для социальных работников и политических агентов. Роль социальных работников состоит не только в обеспечении инвалидов, пенсионеров или остро нуждающихся людей продуктами или денежными пособиями. Социальные работники должны быть вовлечены в движение за построение гражданского общества, защищая индивидуальные права человека и помогая начать собственное дело, коммерческие, культурные или благотворительные проекты. Их роль заключается в том, чтобы продвигать различные местные инициативы и собирать информацию о развитии групп и ассоциаций, а также о рабочих вакансиях и возможностях проведения досуга для мужчин, женщин и детей (с. 248).

Авторы ставят актуальные задачи развития местной инициативы, активизации потенциала женщин и мужчин, предупреждения домашнего насилия. Эти задачи, незнакомые социальным работникам середины 90-х годов и во многом тогда невыполнимые, сегодня являются приоритетами государственных и частных социальных служб.

Исследование приобрело бы еще большую ценность, если авторы своим полем не столицу, а любой другой крупный город России. Кроме того, присутствие в книге шкалы инструментальности-сенситивности несомненно повысило бы обстоятельность изложения материала и ценность измерительного инструмента, сделав его доступным для повторного применения, а содержание понятий - более ясным как на концептуальном, так и на операциональном уровне. К сожалению, малый объем сельской выборки затрудняет сравнение с городскими данными. Качественная методология, очевидно, была применена лишь при работе с московскими респондентами, а жаль: глубинные интервью могли бы стать "окном" в семейную жизнь сельчан, прояснив многое в локальных нормативных предписаниях и практиках гендерного поведения.

Е. ЯРСКАЯ-СМИРНОВА

доктор социологических наук,
профессор, зав. кафедрой социальной работы
Саратовского государственного
технического университета